

ИНТЕРВЬЮ с доцентом кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова КЕНЕНОВОЙ ИРИНОЙ ПАВЛОВНОЙ

Подготовлено к печати журналистом газеты «Политика» Желько Шайным

- 1. Вы преподаете конституционное право в одном из самых престижных университетов мира – МГУ имени М.В. Ломоносова. Прислушиваются ли к мнению вашей кафедры, насколько большой авторитет она имеет в области законодательства и среди политических и государственных деятелей и прочих граждан России?*

Желько, пасибо Вам за добрые слова в адрес нашей Alma mater. Полагаю, что авторитет кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ, работать в составе которой для меня большая честь, действительно, достаточно высок. Назову три показателя, которые, на мой взгляд, подтверждают такую оценку.

Во-первых, это - регулярные обращения федеральных и региональных органов государственной власти к кафедре в целом и отдельным коллегам за содействием, например, в связи с необходимостью подготовки законопроектов и экспертных заключений для палат Федерального Собрания России (Государственной Думы и Совета Федерации), Конституционного Суда РФ. Последними по времени примерами явилось участие заведующего кафедрой профессора С.А. Авакьяна в деятельности созданной на основании распоряжения Президента России рабочей группы по подготовке предложений о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации, а также создание проекта Избирательного кодекса России коллективом ученых нашей кафедры и факультета политологии МГУ (2019 г), в работе над которым и мне довелось участвовать.

Вторым моментом, показывающим связь нашей кафедры с практикой государственного строительства, является участие в ее учебной и научной работе видных государственных деятелей. Так, например, в составе кафедры работали профессора: *А.И. Лукьянов* - известный советский и российский политик (в разное время он был Секретарем ЦК КПСС и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, последним Председателем Верховного Совета СССР, депутатом Государственной Думы от КПрФ), *В.О. Лучин*, судья Конституционного Суда РФ (с 1991 по 2005 год), *А.И. Ковлер* судья Европейского суда по правам человека с 1998 года по 2012 год, продолжает работать профессор *А.И. Колушин* - член Центральной избирательной комиссии (ЦИК) РФ.

Еще одним свидетельством взаимодействия кафедры и государственного аппарата стало то обстоятельство, что члены кафедры участвуют в работе консультативных групп и советов при различных федеральных органах власти. Стоит отметить, что наряду с о старшими коллегами поколение 30-летних конституционалистов уже включилось с государственную деятельность, выполняя функции экспертов в Государственной Думе, Совете Федерации, Конституционном Суде. Общественная активность кафедры вылилась также в создание Межрегиональной ассоциации конституционалистов (МАК), объединившей ученых соответствующей специализации из 34 университетов России под руководством председателя организации С.А. Авакьяна. На кафедре действует студенческий дискуссионный клуб, в котором регулярно вступают в диалог с молодыми конституционалистами известные отечественные и зарубежные политики и юристы. Надеюсь, что читателям будет интересно узнать, что в ноябре 2019 года в работе этого клуба приняли участие и сербские эксперты, адвокаты Стефан Свркоца (выпускник юридического факультета МГУ - один из основателей партии «Двери») и Марко Пушица (член Центральной избирательной комиссии Республики Сербии). Их выступление имело яркий резонанс в преподавательской и студенческой среде. В этой связи не могу не отметить, что интерес к конституционному праву региона Центральной и Восточной Европы традиционно высок на нашей кафедре. Еще в 50-е годы прошлого века под руководством профессоров Л.Д. Воеводина, Д.Л.Златопольского, Н.Я. Куприца стало складываться научное направление, связанное с изучение конституционного (в те времена – государственного права) стран данного региона. С той поры и до настоящего времени студенты юридического факультета МГУ слушают лекции об основах конституционного права южнославянских государств.

Конечно, все эти примеры создают несколько парадную картину. Но остается вопрос? А есть ли отдача от усилий кафедры? Найти следы благотворного влияния научного знания на политическую практику – задача не из легких. Слишком много факторов воздействует на авторов государственных решений. Зато мы имеем возможность участвовать в *формировании сознания* будущих конституционных юристов и политиков. Если это получается, то - выпускники кафедры сохраняют нравственные ориентиры, достоинство и профессионализм на любых высотах публичной власти. К примеру Майя Гришина, секретарь Центральной избирательной комиссии (ЦИК) РФ, была моей ученицей, а сейчас с успехом работает на государственном поприще. Выпускник нашей кафедры А.А. Златопольский является Первым заместителем генерального директора холдинга ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания» (ВГТРК) и Генеральным директором государственного телеканала «Россия-1».

2. 1 июля состоится референдум по вопросу внесения изменений в Конституцию Российской Федерации. Что принесет России новая Конституция, если народ поддержит изменения?

Первое, на что я хочу обратить внимание, отвечая на Ваш вопрос: проводиться будет не *референдум*, а именно *общероссийское голосование* по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, предусмотренных положениями Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Так полностью этот акт называется. Вроде бы разница между терминами мало заметна, но юридически и политически она важна. Референдум – это часть процедуры принятия *новой* Конституции, между тем реформа предполагает, как бы, сохранение *прежней* Конституции, но в нее будут внесены многочисленные изменения, которые в совокупности охватываются этим Законом о поправке. Принимается данный Закон несколько иначе, чем это предусмотрено для такого типа актов Конституцией. Вводится дополнительная стадия – *одобрения общероссийским голосованием*.

Данная форма прямой демократии будет реализована впервые. Она не упомянута в Конституции и была введена самим Законом о поправке, который уже одобрен Государственной Думой и Советом Федерации, а также органами законодательной власти необходимого количества (более 2/3) субъектов федерации. Согласно статье 136 Конституции этого достаточно для того, чтобы данный закон был направлен на подпись Президенту России. Но именно по инициативе самого главы государства процедура была усложнена дополнительным проведением общероссийского голосования.

Между тем, в самой Конституции предусмотрено два основных пути внесения изменений.

Первый из них именуется *пересмотром*, касается любых изменений 1,2 и 9 глав Конституции и предполагает создание специального органа для осуществления данной процедуры – Конституционного Собрания, которое как раз может либо подтвердить неизменность действующей Конституции, либо разработать, а потом принять проект новой - двумя третями голосов от общего числа его членов или вынести этот проект на референдум. По существу, пересмотр – это процедура принятия новой Конституции России.

Вторая процедура предполагает *внесение поправок* в главы с 3 по 8. Закон о поправке к Конституции считается отдельным источником права России, причем в одном таком акте (согласно особому федеральному закону о порядке его принятия) могут быть объединены

только тематически связанные поправки. Подобные законы уже принимались в 2008 и 2014 годах. Следуя этому правилу, и теперь надо было бы принять не один закон, а большой ряд таких актов, поскольку изменения – разнородные, и вносятся в 6 глав Конституции (за счет этих перемен ее текст увеличивается по объему почти на 40 %). Такое разделение поправок – видится весьма разумной идеей, поскольку с одним тематическим блоком поправок можно согласиться, а другой отвергнуть. Но применительно к нынешней «большой» поправке это исключено: надо соглашаться со всеми изменениями или все отвергать.

По отношению к упомянутым двум процедурным новациям (о дополнительном голосовании и о единственной «большой» поправке) расходятся взгляды оппозиции и сторонников изменения Конституции. *Противники* указывают на нарушение установленных Конституцией и законом процедур, обнаруживая в этой новой процедуре завуалированный пересмотр Основного закона. *Сторонники* – считают данную позицию преувеличением и не видят угрозы ценностям конституционализма в упомянутых отступлениях от процедуры, которые компенсируются общероссийским голосованием.

Сам порядок голосования по Закону о поправке также побуждает оппозицию к критике. Проходить оно будет на протяжении семи дней (с 25 июня по 1 июля). Официально объявленная цель столь длительного периода подачи голосов – минимизация риска заражения COVID-19. Голосование может быть проведено не только на избирательных участках но и на дому, а в Москве и в Нижегородской области даже – онлайн. Для вступления в силу Закона о поправке, с ним должны согласиться более половины участников голосования. Порога явки для этой процедуры не предусмотрено.

Оппозиция видит в надомном голосовании, как и в голосовании онлайн значительные риски фальсификации результатов, и не без оснований.

По поводу содержания Закона о поправке мнения его сторонников и противников также резко расходятся. *Один из главных общих упреков критиков «большой» поправки к ее содержанию* – все эти нормы меняют основы конституционного строя России (и не в лучшую сторону), хотя формально 1 глава осталась неизменной. Но есть и более детальные претензии.

Весь комплекс изменений можно, *исходя из тематики и масштабов расхождения мнений*, разделить на 4 группы.

Первая группа изменений разворачивает более подробно суть принципа социального государства, применительно к современным реалиям России, а также вводит новые державные и культурные начала в Конституцию.

В частности, государство гарантирует минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума, индексацию пенсий не реже одного раза в год, а также

- социальных пособий и иных социальных выплат, защиту достоинства граждан, уважение человека труда, социальную, экономическую политическую солидарность. Также установлен запрет отчуждения части территории России и призывов к таким действиям. Государство возлагает на себя обязанность по сохранению памяти предков, «передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства», устанавливает запрет умаления подвига народа при защите Отечества, признает детей важнейшим приоритетом государственной политики России, а также указывает на миссию государства по созданию условий для всестороннего развития детей, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, о готовности государства взять на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. В этот блок норм входят также положения культуре как уникальном наследии многонационального народа, о защите государством культурной самобытности всех народов и этнических общностей, о языке «государствообразующего народа» входящего в многонациональный союз равноправных народов России. Примечательно, что понятие «русский народ» в этом контексте так и не применено.

Критикуют эту группу разнородных изменений за недостатки юридической техники, противоречивость изложения, избыточность вмешательства государства в сферу морали и воспитания, за декларативный характер некоторых норм. *Сторонники* этих изменений хвалят изменения этого блока за благие намерения по удовлетворению реальных запросов наименее защищенных социальных групп и за внесение в Конституцию благородной интонации уважения к традициям Отечества.

Вторая группа изменений явно усиливает позиции Президента, с чем согласны и сторонники и критики «большой» поправки. С точки зрения *оппозиции*, изменения вопиющим образом противоречат принципу разделения властей и окончательно разрушают систему сдержек и противовесов. С позиций *сторонников* – поправка мало что меняет в уже сложившемся на практике распределении власти и полномочий в России. Она лишь закрепляет фактическое положение дел в Конституции.

В частности, Президент получил *новое* полномочие по поддержанию гражданского мира и согласия в стране и право осуществлять «общее руководство» Правительством РФ (раньше он «только» председательствовал на его заседаниях, хотя, на самом деле, его влияние на Правительство и прежде было мощным). Кроме того, теперь глава государства *назначает* Председателя Правительства РФ, кандидатура которого *утверждена* Государственной Думой по его же *представлению* (не вполне понятно, какое тогда правовое значение имеет утверждение кандидатуры Думой (?)).

Появилось также важное полномочие главы государства, основываясь на предложении Председателя Правительства, утверждать структуру федеральных органов исполнительной власти и вносить в нее изменения, а также определять, какими из этих органов руководит он сам, а какими – Правительство. Данное полномочие указывает на ведущую роль Президента по отношению к системе исполнительной власти страны, хотя нигде в Конституции он *не назван главой исполнительной власти*. Дополняется оно правом принимать отставку Председателя Правительства, других его членов, а также руководителей тех органов, которые сам глава государства назначает. Вместе с тем, в Конституции прямо указано, руководителей каких федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров) Президент назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должностей. Названы, в частности, органы, ведающие вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности. Данное полномочие принадлежало Президенту и раньше, но установлено оно было не Конституцией, а федеральным конституционным законом о Правительстве, кроме того, Совет Федерации не участвовал в данной процедуре.

Масштабные возможности воздействия Президента на судебную власть выражены его полномочиями по представлению Совету Федерации для назначения (и прекращения полномочий) кандидатур судей, Председателей и заместителей Председателей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ; более того он сам назначает председателей, заместителей председателей и судей других федеральных судов.

С одной стороны эта решающая роль главы государства в формировании всего состава судейского корпуса страны дает основания для серьезного беспокойства в отношении судьбы важнейшего конституционного принципа *независимости* судебной власти. В то же время, нельзя оставить без внимания и замечания *сторонников* этих изменений, которые считают и само судейское сообщество иногда готово к подавлению независимости правосудия.

Впечатляет также появление у Президента полномочий по назначению и освобождению от должности (после консультаций с Советом Федерации) всех руководителей Прокуратуры от Генерального прокурора РФ и его заместителей до прокуроров низших звеньев. Раньше глава государства представлял Совету Федерации кандидатуры руководителей Прокуратуры федерального уровня, а остальных, начиная с прокуроров субъектов федерации – назначал и отстранял сам.

Наконец, нельзя оставить без внимания появление у Президента нового полномочия по обращению в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности федерального закона *до его подписания* (срок для подписания такого закона приостанавливается на время рассмотрения запроса), а если конституционность закона не будет подтверждена, то глава государства возвратит его в Государственную Думу. Так у Президента появилось дополнительное средство коррекции работы федерального органа законодательной власти.

Третья группа изменений, комментируется *противниками* Закона о поправке как наиболее одиозные, ставшие поводом для мощной турбулентности в Сети и являющиеся поводом для снижения уровня поддержки Президента обществом. Это, в первую очередь, «обнуление», предложение о котором внесла, как бы, спонтанно первая женщина космонавт – Валентина Терешкова прямо на заседании Государственной Думы (а не в рабочей группе). Суть нормы в том, что нынешний Президент России получает право после принятия всех изменений вновь участвовать в выборах на пост главы государства.

Зато из нормы о президентских сроках убрали слово «подряд». Теперь глава государства может избираться только на два срока, и не более (к такому изменению давно призывали многие критики). Раньше в Конституции было записано: может быть избран на два срока *подряд*, что позволило В.В. Путину, «пропустив ход», вновь стать Президентом после окончания полномочий Д.А. Медведева.

Еще одним, наиболее бурно обсуждаемым изменением, стало появление в Конституции Государственного Совета РФ как обладателя *некоторых полномочий Президента*. Теперь Госсовет не просто совещательный орган при главе государства, каким он был создан еще в 2000 году. Изменениями предусмотрено, что Президент формирует его «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства». Более детально урегулировать статус Госсовета должен федеральный закон, но пока он не принят, эксперты озадачены: как бы этот новый «старый знакомый» не стал главным федеральным органом власти. Хотя, как показывает практика, такие загадочные органы с особой миссией не всегда занимают в государственном механизме то место, которое было задумано для них при создании. Известным примером здесь является Конституционный Совет Франции.

Четвертая группа изменений воспринимается критиками и сторонниками Закона о поправке в целом нейтрально, хотя и там есть *существенные* новации. К ним проявляют

интерес, главным образом, специалисты (конституционалисты и политологи)

Например, предусмотрена возможность создания законом федеральных территорий с особой организацией публичной власти (есть вероятность, что управляться они будут непосредственно из федерального центра), признано правопреемство России по отношению к СССР, его активам и обязательствам за пределами территории РФ. Президентом России теперь может стать только лицо, постоянно проживающее в РФ не менее 25 лет (ранее 10) не имеющее и не имевшее ранее гражданства иностранного государства или вида на жительство (ранее Президентом мог стать натурализованный гражданин). Подобный запрет двойного гражданства предусмотрен и для других высших должностных лиц, упомянутых в Конституции, равно как и запрет открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках за пределами России. Расширен круг нормативных актов (раньше это были только законы), конституционность которых отдельные лица и организации могут обжаловать в Конституционный Суд РФ, что расширяет перспективы защиты конституционных прав. Однако перед обращением с конституционной жалобой заявителю придется исчерпать все внутригосударственные средства защиты прав. Такого жесткого требования в Конституции ранее не было.

Для того, чтобы понять, что принесут обществу упомянутые изменения, если они будут одобрены гражданами России, потребуется время. Возможно, первые политические перемены произойдут уже осенью этого года в связи с региональными выборами, как предсказывают некоторые эксперты.

3. Вы специализируетесь на изучении конституций стран балканского региона, что Вы могли бы сказать о Конституции Республики Сербии, которая долгое время считалась самой либеральной конституцией?

Да, действительно, Конституция Республики Сербии 2006 года заслуживает особого комментария как документ, отразивший наряду со специфическими задачами государственного строительства Сербии, современные, во многом универсальные для Европы либеральные ценности и тенденции конституционного правотворчества. Но все же, как представляется, важнейший мотив этого документа, заявлен уже в Преамбуле Конституции, где отражено глубокое *уважение к государственной традиции сербского*

народа, равноправию всех граждан и этнических сообществ Сербии и утверждается коренная для Сербии идея о том, что край Косово и Метохия является неотъемлемой частью ее территории. За этим краем Конституцией признан статус широкой автономии в рамках суверенной Сербии, что предполагает появление специального закона о статусе данного края, который следовало бы принять в соответствии с порядком, предусмотренным для изменения Конституции. Сам этот усложненный порядок должен бы стать гарантией стабильности автономного статуса Косова и Метохии, его особой конституционной защищенности. И хотя политические реалии воспрепятствовали процессу формирования максимально широкой автономии этого края, но он по-прежнему остается конституционно признанной частью страны.

Поэтому, руководствуясь Конституцией Сербии, все государственные органы обязаны обеспечивать и защищать государственные интересы Сербии в Косово и Метохии. А если народ Республики Сербии, сочтет необходимым изменить содержание Преамбулы, то, как установлено в статье 203 Конституции, Парламент обязан вынести на республиканский референдум такие изменения Конституции. Однако это *не означает*, что Конституция Сербии ориентирует на подавление стремления Косово и Метохии к сецессии. Напротив, в данном документе есть необходимые правовые предпосылки для проведения между всеми заинтересованными сторонами переговоров и достижения компромисса по этому вопросу...

Тема «конституционной идентичности» стала одной из популярных в европейском экспертном сообществе не случайно, поскольку позволила заявить о *правомерности своеобразия* конституций различных государств как о *естественном* воплощении их суверенитета. Однако это не исключает стремления законодателей воспользоваться «общеевропейским банком» правовых инструментов для создания наиболее совершенного конституционного текста. И примером удачи на этом пути является второй раздел Конституции Сербии, посвященный правам и свободам человека и меньшинств. Уже объем этого текста впечатляет – 63 статьи из 206 – это почти треть всей Конституции. Примечательно, что и в содержании - достигнут баланс *универсального* и *особенного*, важного именно для Сербии. К примеру, в первой части данного раздела, посвященной принципам конституционного статуса личности, отражена *важнейшая европейская идея* о том, что целью установления гарантий неотъемлемых прав человека и меньшинств в Конституции является *охрана человеческого достоинства* (оно признается неприкосновенным), а также реализация свободы и равенства в справедливом, открытом и демократическом обществе, основанном на принципе верховенства закона. В той же части

на конституционный уровень подняты весьма значимые для европейской практики правила ограничения конституционных прав (производятся только законом, обусловлены исключительно целями, указанными в Конституции, должны лишь в минимально необходимой степени ограничивать права и не нарушать их содержательного «ядра»). Стоит также отметить как явное достоинство норм о правах и свободах - последовательное стремление авторов Конституции детально урегулировать отдельные *способы* реализации прав, *пределы*, в которых могут использоваться конкретные права и свободы, а также внятно изложить, каким образом надо людям действовать, чтобы свои права защитить и восстановить в случае нарушения. Обращают на себя внимание и важные особенности норм о правах человека, характерные именно для сербского подхода. Среди этого просторного ряда правил можно выделить запрет смертной казни и клонирования человека, требование об урегулировании в законе порядка реализации права исправлять неверную, неполную или неточную информацию, приводящую к нарушению прав и интересов отдельных лиц, детальное регулирование прав ребенка, а также подробное изложение особых личных и коллективных прав представителей национальных меньшинств, которым посвящена весьма объемная часть 3 раздела о правах и свободах.

4. Как урегулировать косовскую проблему, приведя ситуацию в соответствие с Конституцией Сербии? Многие страны мира признали Косово как независимое самостоятельное государство - возможно ли компромиссное решение, которое отвечало бы сербским и мировым интересам?

В связи с Вашим вопросом приходит на память изречение: «Нет неразрешимых задач, просто для некоторых из них требуется долгое время». Впрочем, и протяженность этого периода предугадать невозможно, а главное - миссия прорицателя совсем не подходит для того, кто занимается конституционным правом. Мне же представляется, что хотя многие страны признали Косово, но это не фатальный итог до тех пор, пока для самих сербов Косово – это важно, это - часть их самосознания и «конституционной идентичности». Как говорится, - «Вода камень точит». Ситуация может меняться под влиянием консолидированных, настойчивых, целенаправленных действий разных сил, в том числе и не официальных, проявляющих себя как на уровне международных структур различного профиля (экономического, культурного, политического), так и непосредственных контактов между жителями разных городов и стран, взаимодействия в сетевом сообществе, работы юристов, связанной с защитой прав сербов в Косово, (например, избирательных), ну и конечно, успехов политического руководства Сербии.

Вместе с тем в мировом «банке юридических идей» уже есть, своего рода, конституционно-правовая *гипотеза* о решении подобных проблем. И хотя перспективность данной гипотезы на практике пока не проверена должным образом, однако – *путь решения намечен*. Я имею ввиду идеи, сформулированные судьями Верховного суда Канады еще в решении 1998 года по запросу премьер-министра Канады о допустимости отделения Квебека в одностороннем порядке. В данном решении был сделан вывод о том, что хотя Квебек не имеет конституционного права на одностороннюю сецессию, но, если явное большинство его граждан проголосует в пользу независимости, тогда данная провинция, как и остальные субъекты федерации, а также федеральная власть *обязаны* обсудить предлагаемую сецессию *добросовестно и с учетом интересов друг друга*. . Серьезным аргументом в пользу данного вывода является позиция суда, согласно которой решение, принятое демократическим способом большинством народа в рамках *одной лишь* провинции, *не является менее легитимным*, чем решение большинства народа *всей страны*.

Суд признал, что в подобной ситуации возникает *взаимная* обязанность всех участников Союза *обсудить конституционные изменения* в ответ на ясное выражение стремления к сецессии. Согласование различных легитимных конституционных интересов, по мнению суда, наилучшим образом может быть достигнуто именно в ходе политических переговоров. Содержание и процесс переговоров должны быть определены политическими игроками. И хотя никто не может предсказать, в каком направлении переговоры будут развиваться, но, в любом случае, - на их эффективность не стоит рассчитывать, если воспринимать право на сецессию как *абсолютное* юридическое право, основанное на обязанности государства придать акту сецессии конституционную силу.

Представляется, что опыт Канады, хотя он касается взаимоотношений федерации и ее субъекта, стоит принять во внимание в связи с проблемой Косова и Метохии – края в составе унитарной Сербии. С юридических позиций - важна правильная процедура, тогда правильное решение появится само...

5. В чем сущность изменения конституций всех стран балканского региона после падения социализма и развертывания новой глобальной стратегии крупных мировых сил, среди которых выступает и Россия?

Сущность изменений, о которых Вы упоминаете, состоит, в первую очередь, в смене «идеологического кода» конституций с социалистического на либеральный. Этот процесс называют нередко деидеологизацией конституций, имея в виду, что партийная

коммунистическая идеология больше не пронизывает правотворчество. Но на самом деле Конституцию невозможно “освободить” от идеологии. Да, действительно, ушли в прошлое руководящая роль коммунистической партии, социалистическая система хозяйства с всеобъемлющим планированием, доминированием государственной собственности и запретом частной собственности, система государственных органов, основанная на монополизации власти по советскому принципу, когда вся власть в разных формах (законодательной, исполнительной и контрольной) концентрировалась в советах (скупщинах), отсутствие механизма полноценной судебной (в первую очередь) защиты прав человека.

После падения социализма в независимых государствах, возникших на месте СФРЮ, в неявном виде теперь уже *либеральные*, а не *социалистические* идеи обосновались в Конституциях в качестве *главных юридических ценностей*, таких, например, как: верховенство права, разделение властей, естественные и неотчуждаемые права человека, политический плюрализм, светский характер государства, независимое правосудие, право частной собственности, свобода предпринимательской деятельности и др.

Отдельного упоминания заслуживает в связи с преобразованием СФРЮ в совокупность независимых государств – югославский вариант воплощения федеративной идеи, которая не только на государственном, но и на партийном уровне, уже давно готовила страну к распаду. Корпоративные экономические интересы региональных партийных элит СФРЮ стали питательной средой для разрушительных тенденций, приведших сначала к конфедерализации, а затем и к разрушению страны.

Переход к либерализму как центральной идеологической линии конституционной перестройки в бывших республиках и краях происходил с разной степенью драматизма. А успехи в использовании конституционно-правового инструментария при модерировании переговоров (Дейтонские соглашения), использовании институтов прямой демократии (референдумы в Сербии, Черногории, Македонии) и создании новых конституций не отменили тех проблем, которые имели глубокие исторические корни (например, между Республикой Сербской и Федерацией Боснией и Герцеговиной, Грецией и Македонией (теперь - Республикой Северная Македония) и, конечно, между косовскими албанцами и сербами. Более того, возникли вместе с обновленными политическими элитами дополнительные противоречия, свидетельством разрушительной силы которых стал распад Союзного государства Сербии и Черногории.

Территория бывшей Югославии, по прежнему, остается центром притяжения интересов наиболее мощных политических сил, которые стремятся (как это было в 19 и 20

веках), используя, в том числе, и конституционно-правовые средства *решать свои задачи* в пространственных пределах теперь уже суверенных государств.

6. Возможно ли, на Ваш взгляд, начать более интенсивное сотрудничество между кафедрой конституционного права МГУ имени М.В. Ломоносова и соответствующими кафедрами Белградского университета?

Спасибо за такой вдохновляющий вопрос. Здесь как раз отсутствуют какие-либо непреодолимые препятствия кроме, разве что – пандемии COVID - 19. Надеюсь, что к ней не добавятся в ближайшее время грозные экономические и политические проблемы. А в межуниверситетском сотрудничестве требуется лишь согласование ряда организационно-финансовых вопросов и – в путь...